

Korostenski, Jiří

Динамика развития русского и чешского словарного запаса

Opera Slavica. 1993, vol. 3, iss. 2, pp. 32-36

ISSN 1211-7676 (print); ISSN 2336-4459 (online)

Stable URL (handle): <https://hdl.handle.net/11222.digilib/116650>

Access Date: 28. 11. 2024

Version: 20220831

Terms of use: Digital Library of the Faculty of Arts, Masaryk University provides access to digitized documents strictly for personal use, unless otherwise specified.

ДИНАМИКА РАЗВИТИЯ РУССКОГО И ЧЕШСКОГО СЛОВАРНОГО ЗАПАСА

Йиржи Коростенски

Близость словарного состава чешского и русского языков несомненна, но в их развитии существуют разные тенденции, постепенно разъединяющие бывшие тесные связи в области словарного состава обоих языков.

Общеизвестные данные, подкрепленные исследованиями, подтверждают, что русский язык и его словарный состав более интенсивно, по сравнению с чешским языком, подвергается влиянию других, прежде всего западных, языков. Этот факт способствует изменениям в русской лексике.

Насколько интенсивны и прочны эти изменения сравнимо с чешским языком, попытаемся ответить в настоящей статье.

Известно, что мерилом прочности словарного состава любого языка является, как правило, развитие основного словарного фонда. У близкородственных языков считаются все изменения в этом фонде признаком большого динамизма.

Поскольку в современной лингвистике не существует единого критерия определения этого понятия, учитываем долю относительности достигнутых результатов. За исходные данные берем наблюдения, обобщенные в работе Ф. Копечного.¹ Учитывая факт определенной доли субъективизма автора этого исследования в системе отбора лексем основного общеславянского фонда, мы исследовали и сопоставили те слова, которые исчезли из основного общеславянского фонда в том или другом языках. Их количество в чешском языке не достигает 40 словарных единиц, а в русском языке приближается к 140.²

На первый взгляд разница между чешским и русским языками подтверждает гипотезу о том, что русский язык в большей мере утрачивает славянскую основу своей лексики. Если рассмотреть это явление ближе, увидим, что обо всех вышеупомянутых словах нельзя говорить как об исчезнувших.³ Степень их "выпадения" из центральной сферы лексики дана многочисленными связями и факторами и является у разных слов неодинаковой.

С точки зрения семантики утраченных общеславянских слов большая их часть принадлежит к конкретной лексике: *čerda, mol-děpěs, snaqa, vylgьkь, dolьnьj, světьlo, zork, zorkьnica, zapьrtьkь, zelenina, vьsь, vьrša, varьno, vaganь, vaga, ukropь, udь, trěska, ščava, sьboзьje, svorbь, studьnja, statьkь, slo-ta, dětelь, povorzь, porporь, pénedьzь, pazderь, pastva, papir, papьvь, ostruga, orzsocha, oje, natь, mьzda, mьrva, lojь, la-ьjьno, kriзь, koš, kopa, košulja, gomolja, komora, děža, šьbanь, sic, cigla.*

Приблизительно такое же количество слов насчитывается и среди глагольной лексики: *čakati, dotykati, gukati, kleknoti, kupovati, laгодiti, lekati se, luditi, mesti, mēniti, mlaskati, mьrdati, nadymati, otverti, orati, početi, prati,*

poditi, rekti, račiti, sqtъ, sьrbati, šcvati, tēti, tuliti, tyti, važiti, voliti, zobati, vьrēti.

Третью по численности группу составляют абстрактные слова: *morъ, sьlugъ, tьga, selmę, rada, prigoda, polovica, podobа, pęterъ, nuda, lępъ, modrъ, rudъ, lagodьnъ, lagoda, gojьnъ, duma, čara, blqđъ.*

Остальные отсутствующие в системе современного русского литературного языка лексемы являются с точки зрения семантики неоднородными и немногочисленными. Это касается прежде всего временных понятий: *olni, létose, doba, dьnьsъ*, названий родственных отношений: *ujь, strujь*, названий частей тела: *stegno, skornja, pьrstъ, jelito, čelo*, обозначения общественных отношений: *кьметъ, dētittъ*, названия зверей и растений: *věverьka, sьkotьna, stьrnadъ, smьrkъ, slqka, pesъ, netopurъ, kure, kavьka, čhrtъ, govędo, ězvьsъ* и некоторые грамматические слова: *kortъ, rako, perzъ, trocha, vьлę.*

С точки зрения чешского языка утраченных общеславянских слов намного меньше, около 40, но их семантическая стратификация приблизительно одинаковая. Тем не менее по абсолютному количеству утраченных чешским языком слов совпадает с русским языком только сфера конкретной лексики: *korsta, žędlo, vaganъ, tьlo, sokъ, stьrvъ, skora*, и глагольных слов: *spěšiti, sluchati, dristati, kolti, laziti*. Относительно больше слов отсутствует в чешском языке в сфере обозначений родовых понятий: *svekry, svekьrъ, svatja, tьstъ*. У конкретной лексики, в том понимании как в русском языке, насчитываем только два слова: *razucha, pьrűčъ*. Имена зверей утрачены три: *pliska, kura, čaplja*.

Названия абстрактных понятий чешским языком сохранены почти без изменений. Из общеславянских слов отсутствуют только два слова: *pakostъ, čudo*. Обозначения пространственных и качественных понятий тоже немногочисленны: *бьргъ, вьлотръ*. Грамматические слова отсутствуют в чешском языке всего три: *bo, čersъ, kako*.

Как отмечалось выше, степень "отсутствия" перечисленных выше слов в современных чешском и русском языках разная. Таких лексем, которых никогда в обоих языках не было и они не существуют даже в диалектах, очень мало. В русском языке это, например, слова: *selmę, pęterъ, modrъ, vьlgьkъ, morъ, slqka, čhrtъ, jelito, sьljubъ, vьrša, ščava, povorzъ, orzsocha, oje, mьrva, cic, cigla, čakati, kleknuti, lekati se, mlaskati*.

В чешском языке таких слов соответственно меньше: *čudo, pliska, čaplja, pьrűčъ, svekьrъ, kystъ, rozga, stьrvъ*.

Большинство утраченных лексем "бытовало" или "бытует" до сих пор в диалектах чешского и русского языков. Ярким примером такому утверждению могут послужить названия родственных связей в обоих языках.

Уклад жизни славян на протяжении долгих веков способствовал не только сохранению традиционных отношений большой семьи, но и их этимологических названий. Значительнее в этом плане изменился чешский язык, в котором отсутствуют слова: *svekry, svekьrъ, svatja, tьstъ*. Но первые два слова в древнечешском языке и продолжали употребляться вплоть до 19-ого века, когда окончательно устарели и были заменены словами *tchynę, tchān*. Их исчезновение обусловлено и языковыми причинами.⁴ Слова *svatja, svacha* утратились из чешского литературного языка лишь

недавно в связи с изменением брачных обычаев в чешской среде, а также с резким ограничением сохранения родственных отношений в семье. С этим связана и утрата слова *ťasť*.

В современном русском языке исчезли в этом плане только два слова: *uť*, *struť*. Они употреблялись в древнерусском языке и широко распространены в современных диалектах.

Общеславянский словарный состав отличается стабильностью своей семантики в синхронном и диахронном аспектах и на межъязыковом уровне. Это объясняется тем, что большинство общеславянских слов принадлежит к основному словарному запасу языка вообще и любые изменения в нем осуществляются чрезвычайно медленно и редко. Несмотря на это произошли и в рамках общеславянского словарного фонда определенные семантические сдвиги. Они осуществлялись прежде всего у слов, значения которых уже на древних этапах развития языка частично семантически различались, или обладали раньше богатой полисемной структурой.

Процесс специализации значений в многозначных словах наблюдаем в лексемах: *kmetь*, *podoba*, *mzda*, *košь*, *pastva* aj. Напр. слово *mzda* обладало в древнерусском языке 4 значениями: 1) воздаяние, 2) плата, 3) взятки, 4) выкуп. В древнечешском языке существовало лишь одно значение, совпадающее с современным русским: 2) плата. Интересно и следующее семантическое развитие данного слова в обоих языках. В русском языке утратились все значения слова за исключением третьего. Слово само по себе сильно устарело и употребляется с ироническим оттенком. Утратились и его словообразовательные дериваты: *мздити*, *мздитися*, *мздникъ*.⁵ В чешском языке практически никакие изменения в данном слове не произошли, но словообразовательные дериваты *mzdář*, *mzdička*, *mzditel*, *mzdník*⁶ не являются в современном чешском языке живущими.

Другие слова из этой группы, напр. *kavъka*, *slota*, *gojъль*, *ťьlo*, никогда не обладали богатой полисемной структурой. Для этих лексем характерны существенные именные их семантики на межъязыковом уровне, что было связано с определенной изолированностью словообразовательного и мотивационного порядка на древних этапах развития языка. Примером может послужить слово *kavъka*, ономотопонический характер которого в славянских языках стал несомненно предпосылкой для более быстрого развития разных признаков данного явления. Так уже в древнерусском языке усилением мнимых признаков этой птицы произошел такой сдвиг семантики, что слово *kavъka* передает в современном русском языке значение "наложница". Потеряв свою связь с первоначальным объектом обозначения, слово *kavъka* рано исчезает из языка. На его месте для обозначения птицы стало употребляться существительное *галка*.

В чешском языке подобные изменения не произошли. Здесь это слово устойчиво обозначало и обозначает птицу определенного рода. Ограниченность словообразовательной потенции слова в определенных случаях влияла на быстрое затемнение исходной семантики слова. Напр. существительное *ťьlo* обозначало в древнерусском языке дно, основание дома и потолок. Из-за сильно ограниченных возможностей деривации данного слова происходит вытеснение лексем и их значений на периферию семантической системы языков. В чешском языке, за исключением диалектов, эта форма не употребляется. В современном русском языке она представлена в виде фразеологизмов, семантический анализ которых

напоминает о древней мотивации данного слова: *дом сгорел дотла*. В исследуемом запасе общеславянских слов мы также наблюдаем конкуренцию двух слов, обозначающих одно и то же понятие. В обоих языках существовали на древнем этапе слова *véverĕka*, *veksša*, *bélka*.

Не вдаваясь в подробности этимологического развития слов в обоих языках, приходим к убеждению, что чешский язык сохранил более древнее название данного зверька: *veverka*. Слово *bélka* бытует только в разговорной форме чешского языка для обозначения определенных животных белого цвета. Всеобщая тенденция русского языка к изменениям и выражению качественных отношений в языке привела к закреплению нового слова *белка* в русском литературном языке для обозначения пушного зверька. Наоборот слово *веверица* уже в 19 веке считалось устаревшим и было полностью вытеснено из современного литературного языка. В диалектах сохранилось родственное слово *векиа*. Подобным образом решалась конкуренция слов *осьть*, *uksus*.

Полная утрата словообразовательных дериватов привела у небольшой части исследованных слов к таким семантическим сдвигам, что исходное значение полностью затемнено.

Такое явление наблюдаем напр. у слов *mŕdati*, *morda*. Для них характерно существенное изменение их семантики на межъязыковом уровне, что было связано с определенной изолированностью словообразовательного и мотивационного порядка на древних этапах языка. У глагола *mŕdati* наблюдаем своеобразное развитие. Оно образовано, кажется, от существительного *морда*. Глагольная форма придала этому значению процессуальный признак, первоначально связанный только с *мордой*. Такое значение засвидетельствовано в древнерусском языке - "кривляться, гримасничать". Древнерусский язык путем семантического расширения распространил это значение не только на лицевую часть головы, но и на другие части его тела и даже на животные. Этим появилась возможность перенесения значения: (*Člověk*) *nade vším (dobrodinim) mŕda, neváží a nevděčen jest, nad tím hlavou mrdá*.

Употребление этого глагола в сфере человеческого тела и постепенного распространения за его рамки наблюдаем напр. в предложении: *Ptáček vidí... červy se mrdati*.

В древнерусском языке существовали и другие словообразовательные дериваты этого глагола: *mŕdec*, *mŕdnŭti*, *mŕdnutie*. Со значением "ритмическое повторное движение" этот глагол сохранился в остальных славянских языках. В русском языке он исчез полностью и в современном чешском языке является вульгаризмом, обозначающим "ритмическое движение половых органов при половом акте". Полный разрыв семантических связей между словами *morda* - *mŕdati* привел в конечном итоге к их изоляции в словообразовательных системах почти всех славянских языков. В русском языке глагол исчез полностью и существительное *морда* было вытеснено на периферию словарной системы. Практически то же самое развитие мы наблюдаем и в чешском языке, с тем, что глагол *mŕdat* здесь сохранился как вульгаризм.

Последним типичным явлением, наблюдаемым в процессе семантического развития общеславянских слов, мы считаем утрату исходного слова в одном из языков, причем оно продолжает существовать в виде многочисленных словообразовательных дериватов. Это касается напр. слов: *podoba*, *blŭdъ*, *duma*, *rudъ*, *pri-goda*, *nuda*.

В большинстве случаев эти слова на древних этапах славянских языков развивали богатую полисемную структуру. Так слово *rodoba* в древнерусском языке обладало богатой полисемной структурой: 1. подобие, сходство; 2. способ, образ действия; 3. должный и установленный порядок; 4. внешний вид, образ; 5. вид, форма; 6. изображение, икона, изваяние; 7. пример, свидетельство; 8. слово как форма существующих вещей; 9. ошибочное прочтение. Современный русский язык утратил форму существительного *rodoba*, но сохранил и дальше развивает его дериваты, значение которых в большинстве случаев специализировалось. Это связано с изменением статуса части речи.

У вышеприведенных слов только слово *дума* и *блуд* выступают как существительные, но резко ограничена их семантика. Напр. слово *дума* в современном русском языке выражает: 1. мысль (поэт.); 2. укр. народ. песня; 3. орган парламентного типа в дерев. России. В остальных словообразовательных дериватах преобладают глаголы и прилагательные: *подобать, подобно, подобающий, подобный, подобие; блудить, блудливый, блудливость, блудный, блудник, блуждающий, блуждать; пригодиться, пригодный, пригожий, пригодность; руда, рудник, рудный, рудня.*

На основе указанных выше результатов по исследованию общеславянских слов, исчезнувших из лексических систем чешского и русского языка, можно сделать частные выводы.

Большинство этих слов, несмотря на их отсутствие в литературном языке, продолжает существовать во фразеологизмах, словообразовательных дериватах исходного слова и диалектах данных языков. Количество действительно исчезнувших общеславянских слов в обоих языках невелико.

В остальных случаях исчезновение слов является только мнимым. Многие слова найдем в разных диалектах: *комора, дежа, орати* и др., другие после своего исчезновения стали импульсом возникновения многочисленных дериватов и таким образом являются значительным источником для пополнения словарного состава обоих языков: *подоба... подобный - неправдоподобный* и т. д.

Тот факт, что количество исчезнувших общеславянских слов в русском языке является большим, чем в чешском, можно в целом объяснить тенденцией русского словарного запаса к большей открытости и восприимчивости к иностранным влияниям.

ПРИМЕЧАНИЯ:

- 1 КОРЕЇЃŃ, F.: *Základní všeslovanská slovní zásoba*. Praha 1981.
- 2 Там же, с. 53.
- 3 Решающим критерием для оценки лексем с этой точки зрения является у Коpecнoгo их употребление в литературном языке. См.: там же, с. 10.
- 4 МАСНЕК, V.: *Etymologický slovník jazyka českého*. Praha 1971, s. 642.
Обе формы появляются в чешском языке относительно поздно и являются вариантом исконных слов.
- 5 Словарь русского языка 11-17 вв., т. 9, Москва 1982, с. 145-146.
- 6 GEBAUER, J.: *Staročeský slovník, d. II*, Praha 1970, s. 427-428.
- 7 *Slovník spisovného jazyka českého*, Praha 1989, d. i, s. 97.